

Н.А. Соболева

Герб Москвы

Н. А. Соболева

Герб Москвы

(Исторический очерк)

Москва
Лабиринт
2000

Надежда Александровна Соболева. Герб Москвы. (Исторический очерк). – М.: «Лабиринт», 2000. – 48 с., 25 илл.

Отв. ред. В.Ф. Шевченко.

Рецензенты: А.А. Преображенский, А.И. Комиссаренко.

Компьютерные работы, корректура В.А. Глазова.

Первое монографическое исследование о происхождении московского герба написано ведущим специалистом в области российской геральдики, доктором исторических наук Надеждой Александровной Соболевой. Популярный очерк, снабженный ценным иллюстративным материалом, является, по сути, и краткой историей развития российской геральдики вообще.

Брошюра будет необходима на краеведческих занятиях в школах («Москвоведение») и полезна всем, неравнодушным к истории нашего Отечества и его столицы.

ISBN 5–87604–017–7.

ISBN 5–87604–017–7.

ЛР № 065483 от 28.10.97. Издательство «Лабиринт-МП».
125183, Москва, а/я 81. Тел./факс 158-31-97.
Формат 84x108/32. Печать офсетная. Тир. 4000. Зак. 3920 ст.
Отпечатано с готовых диапозитивов в филиале областной
типографии "Печатный Двор"
432600, г. Ульяновск, ул. Ленина, 138

Города многих стран мира имеют отличительные символические знаки — городские гербы. Есть такой знак и у российской столицы. Он незаметно стал неотъемлемой частью нашего города, его олицетворением и образом.

Все обыденное кажется нам простым и понятным. Но это не так. Все имеет свою историю. Есть такая история и у ставшего уже привычным изображения всадника с копьем.

Герб Москвы 1781 г.

Первый официальный герб Москвы был "высочайше", т.е. императрицей Екатериной II, утвержден 20 декабря (по старому стилю) 1781 г. В Полном собрании законов Российской империи содержится следующее описание московского герба: "Святый Георгий на коне против того ж, как в средине государственного герба, в красном поле, поражающий копием чернаго змия". Здесь же отмечалось: Москва имеет "старый" герб. Помета "старый" не случайна. Она означает, что данная эмблема существовала и до ее официального утверждения в качестве герба.

Надо отметить, что чиновники Герольдмейстерской конторы, которые занимались вопросами составления городских гербов в екатерининскую эпоху, были профессионально точны. Они тщательно проверяли наличие у города какой-либо существовавшей ранее символики, будь то эмблема из первого русского гербовника — Титулярника XVII в., рисунок для полкового знамени со знаком города или появившаяся в далекие времена городская печать. Словом, если эмблема, относящаяся к городу, ко времени официального введения городских гербов была известна Герольдмейстерской конторе, город получал "старый" герб. Таких городов к концу XVIII в. в России насчитывалось около сотни. Москва не

была исключением, так как для московского герба использовалась хорошо всем известная фигура святого воина-Драконоборца. Эта эмблема в течение нескольких столетий изображалась на печатях русских государей, а также являлась составной частью государственного российского герба: с XVI в. ее можно видеть на груди двуглавого орла.

Здесь не случайно противопоставляются городская "эмблема" и городской "герб". Гербом города, как и всяким гербом, служит не просто рисунок, сконструированный по особым геральдическим правилам. Он в обязательном порядке должен быть утвержден или каким-либо образом зафиксирован органами власти.

Это очень существенное требование, которое выделяет герб из прочих знаков и символов. Герб становится постоянным и не может без соответствующих законодательных актов произвольно изменяться.

Насколько же "стар" московский герб? Ответ на этот вопрос не так прост. Поэтому в литературе до сих пор называются разные даты. В поисках верного ответа любители геральдики часто обращаются к публикациям XIX в., считая что историки прошлого века о гербах знали больше, чем современные.

Между тем в двадцатом столетии геральдика сделала успешные шаги в своем научном развитии и вышла за рамки прикладной дисциплины. Это значит, что на смену домыслам и непроверенным фактам пришла новая методика изучения гербов. Для того, чтобы объяснить историю создания и символику геральдических эмблем, исследуется целый комплекс источников. Если речь идет о городских гербах, то это — архивные документы, в которых отражена деятельность учреждений, ведающих гербами, — Герольдмейстерской конторы, Герольдии. Важным источником являются законодательные акты, утверждающие гербы и содержащие их описание. Эти и другие письменные источники изучаются в сочетании с

памятниками материальной культуры, на которых изображены эмблемы и гербы, — знамена, печати, наградные знаки, жетоны, ювелирные изделия и т.д.

Современные ученые обнаружили в архивах много ценных материалов о городских гербах, о работе над ними российских художников. Большинство фактов были неизвестны историкам XIX в. Сейчас специалисты изучают не только каждый герб в отдельности, но стараются нарисовать общую картину появления и развития гербов в России. Конечно, они анализируют труды по геральдике ученых других стран, а также сочинения на эту тему своих отечественных предшественников, нередко обнаруживая в них исторические ошибки и научные несообразности.

В отношении московского герба в XIX в. высказывалось особенно много суждений. Авторы в основном его "удревняли", считая что особый московский знак возник или в правление великого московского князя Ивана III Васильевича (XV в.), или Дмитрия Ивановича Донского (XIV в.), а возможно, даже при сыне Владимира Мономаха Юрии Долгоруком (XII в.). При нем, как известно, в 1147 г. впервые в летописи упомянута Москва. Например, журнал "Русский вестник" в 1808 г. напечатал статью, автор которой утверждал: "град Москву устроил великий князь Георгий (Юрий) Владимирович Долгорукий и в герб Москвы дал Ангела своего великомученика Георгия, т.е. всадника на коне, попирающего копием змия". Далее читателям преподносилась версия, вошедшая затем во все очерки о московском гербе. Якобы при великом московском князе Иване III был изваян из белого камня "в большом виде" и поставлен на возвышенном месте у Фроловских ворот Московского Кремля Святой Георгий на коне, убивающий змия. Великий князь "принял" его в московский герб.

В этой версии много неточностей. Прежде всего не учитывалось известие так называемой Ермолинской летописи. В

ней приведены сведения о работе русского зодчего Василия Дмитриевича Ермолина, построившего в 1462 г. Фроловскую (теперь она называется Спасской) башню Кремля и часть кремлевской стены. В то же время Ермолин приступил к изготовлению двух каменных барельефов, чтобы украсить Фроловские ворота.

Они считались "святыми воротами Кремля" — не только светского, но и духовного центра России. Даже князья снимали шапку, проходя через них.

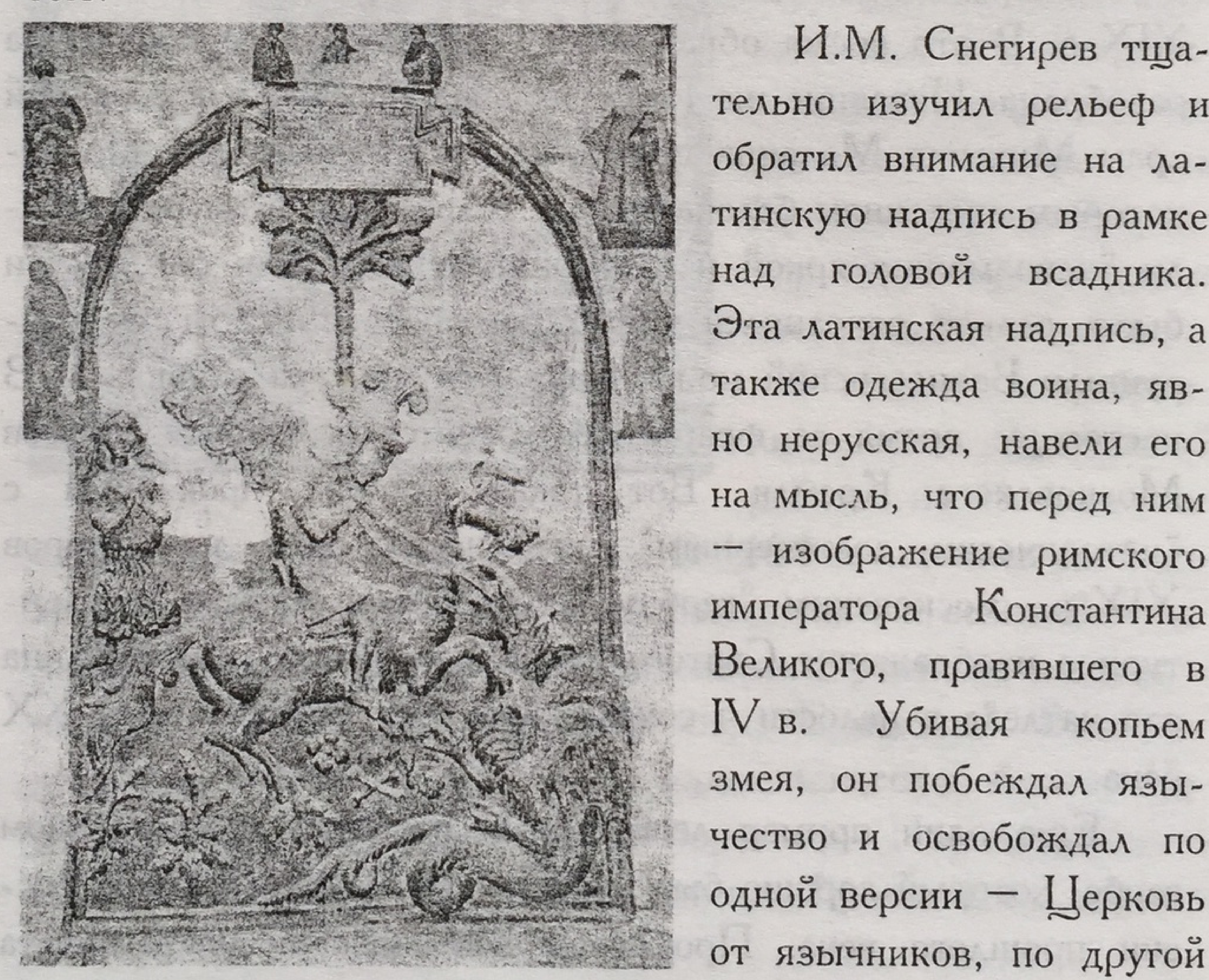
Украсить ворота должны были изображения двух святых воинов — Георгия на коне и Дмитрия Солунского, вероятно, также в виде всадника, под покровительство которых и отдавался проход в Кремль. Большой размер этих барельефов и несовершенство тогдашней техники потребовали очень длительной работы: на изготовление каждого рельефа ушло два года. В 1464 г. летопись сообщила: "Месяца июля 15, поставлен бысть святыи великий мученик Георгии на воротех на Фроловьских, резан на камени, а нарядом Васильевым Дмитреева сына Ермолина". Этот барельеф укрепили на наружной стороне Спасской башни. Через два года был готов и другой барельеф: "Поставлен бысть святыи великии мученик Дмитреи на Фроловьских воротех изнутри града".

Итак, перед нами фигуры святых, защищавших въезд в "град" — Кремль. Так они и воспринимались современника-

ми, слыхом не слыхавшими в то время ни о каких гербах. Доказательством того, что Святой Георгий не воспринимался в то время как герб (светский символ) служит и дальнейшая судьба кремлевской статуи Святого Георгия. В 1491 г., когда итальянцы Пьетро Антонио Солари и Марко Руффо разобрали старую Фроловскую башню, чтобы построить на ее месте новую сообразно с последним словом тогдашней военной техники, с нее сняли и изваяния святых воинов. Скульптуры были сохранены как особые святыни. В 1527 г. возле Фроловской башни по повелению великого князя Василия III возводят каменную церковь Георгия Победоносца. В церкви был придел Дмитрия Солунского. По-видимому, церковь была специально построена для этих святых. О фигуре Дмитрия Солунского ничего не известно с XVI в., а скульптура Георгия Победоносца находилась в храме до начала XIX в. В это время обветшалая Георгиевская церковь была разобрана. Изваяние же Георгия-воина перенесли в соседний храм Михаила Малеина в Вознесенском монастыре. По некоторым сведениям белокаменный рельеф при этом раскрасили "невозможно яркой и пестрой краской". Как бы там ни было, рельеф сохранялся до тех пор, пока в 1928 г. не разрушили Вознесенский монастырь, и скульптура разбилась. В настоящее время ее фрагменты хранятся в фондах Музеев Московского Кремля. Вот такая история произошла с "исторически достоверным", как писал один из авторов XIX в., московским "гербом". К нашему счастью, скульптурное изображение Святого Георгия работы В.Д. Ермолина запечатлела в целости и сохранности фотография начала XX века.

Еще один пример легендарных известий о московском гербе, который хорошо был известен читающей публике России прошлого века. Профессор Московского университета Иван Михайлович Снегирев, латинист, влюбленный в русскую старину и Москву, всю жизнь интересовался другим

каменным барельефом из Московского Кремля. В кремлевском Успенском соборе в Петропавловском приделе находилось изваяние высотой около 91 см и шириной — 60 см, вытесанное из одной плиты сероватого пористого известняка. Оно описывалось в тогдашней литературе так: всадник, на его голове шлем с крылом и затыльником, в дощатой броне, с набедренником и наколенником, копием поражает змея; приволока (плащ) развевается по воздуху; сидит в седле; ноги одеты в полусапожки, в стременах, со шпорами. Этот рельеф отличается от предыдущего тем, что ездок был не один. Позади коня стоит женская фигура. Она описывалась следующим образом: Царевна стоит сзади коня, на левой стороне; одежда ее длинная, до самых пят, перепоясана по талии; на шее ожерелье; волосы длинные, перехвачены лентою.

И.М. Снегирев тщательно изучил рельеф и обратил внимание на латинскую надпись в рамке над головой всадника. Эта латинская надпись, а также одежда воина, явно нерусская, навели его на мысль, что перед ним — изображение римского императора Константина Великого, правившего в IV в. Убивая копьем змея, он побеждал язычество и освобождал по одной версии — Церковь от язычников, по другой — Рим от варваров. По мнению Снегирева, латинская надпись являлась копией с писмен, помещенных на Триумфаль-

ных воротах в Риме и прославляющих подвиги императора Константина.

В результате подобных рассуждений появилось предположение: это римское произведение искусства IV в. было привезено в Москву Софьей (Зоя) Фоминишной Палеолог, племянницей последнего византийского императора. На ней в 1472 г. женился великий московский князь Иван III. Профессор, правда, допускал, что итальянцы, приехавшие в Москву вместе с византийской принцессой, прибывшей действительно из Рима, могли вытесать барельеф по римскому типу непосредственно в Москве. "Аристотель Фьораванти, — вопрошал Снегирев, — который по примеру художников того времени соединял в себе знание многих искусств, не был ли творцом сего барельефа, или, по крайней мере, не снял ли противень (копию. — Н.С.) с древнего какого барельефа в своем отечестве?" Здесь стоит заметить, что известный итальянский зодчий Аристотель Фьораванти прибыл в Москву в 1475 г., когда Иван III пригласил из Италии мастеров для строительства в Московском Кремле и для его укрепления. В этом году Фьораванти приступил к постройке Успенского собора в Кремле, а в 1479 г. закончил строительство. Так что вместе с Софьей Палеолог он в Москву не приезжал.

Однако предположение Снегирева выглядело заманчивым и фантазия быстро распространилась среди пишущих о российских гербах. К "подаркам" греческой принцессы относили теперь не только двуглавого орла, но и всадника, побеждающего дракона. Столь ранняя датировка этого барельефа делала его источником образа Святого Георгия в московском гербе. "Итак, София привезла из Рима снятый с врат Константиновых барельеф времен христианских... Этот барельеф важен, достопамятен, освящен тем, что со времени доставления его в Москву московский герб стал означать святого Георгия... София этим барельефом дала святого Георгия наше-

му гербу", — эти высказывания наводнили страницы русских журналов и газет.

Мнение Снегирева и его сторонников о рельефе Успенского собора не поколебали даже новые данные: в описях Успенского собора сведения об этом изваянии появились только со второй половины XVII в.; на старой раме, окружающей барельеф, изображались покровители города Великого Устюга — святые Прокопий и Иоанн; наконец, в 1840 г. было опубликовано зафиксированное в документах сообщение о переносе барельефа в XVII в. в Москву из Великого Устюга. И мнение это оставалось "более или менее общепринятым" до тех пор, пока в начале нашего века известный искусствовед Яков Иванович Смирнов не написал посвященный барельефу большой научный труд. В нем Смирнов, детально разобравший историю и художественные качества изваяния, доказал, что он представляет собой Святого Георгия Победоносца, сделан мастерами российского города Великий Устюг и служил иконой в XVI — XVII вв. на русском Севере, где Георгий Победоносец был особенно популярен. Однако прототипом для него являлась западная гравюра, попавшая туда в самом конце XV в. А путей попадания западноевропейских гравюр, в том числе итальянских, на русский Север было много: от шведов и немцев через Новгород и Псков, от поляков через Литву. Могли привезти гравюру и греческие купцы, а также английские, путь которых в Россию шел через Великий Устюг, чье торговое и промышленное значение в XVI — XVII вв. было велико.

В Великом Устюге обнаружилась в церковной книге запись об отправке каменной иконы из церкви святого великомученика Георгия по распоряжению патриарха "в Богоспасаемый град Москву во святую соборную и апостольскую церковь Успения Пресвятыя Богородицы"... Произошло это в 1678 г. С того времени и "обосновался" рельеф в Москве, получив название Устюжского.

Настоящий фурор произвела в русском обществе первая отечественная книга по геральдике, которая так и называлась "Русская геральдика". Ее автор Александр Борисович Лакиер получил за свой труд самую почетную научную премию XIX в. — Демидовскую. Все, что когда-либо было написано о русских гербах и печатях, он обобщил в своей монографии. И хотя она была опубликована почти 150 лет тому назад, за сведениями о гербах и печатях "к Лакиеру" обращаются до сих пор. Что же автор написал о московском гербе? Оказывается то же, что и его предшественники и современники. Он считал, что барельеф из Успенского собора явился основой для московского герба.

В то же время в его поле зрения попадает печать великого московского князя Ивана III, сохранившаяся при жалованной грамоте 1497 г. Это та самая известная двусторонняя печать из красного воска, на которой впервые появились вместе эмблемы российского государственного герба: двуглавый орел и всадник, поражающий копьем дракона. Впервые на нее обратил внимание в начале XIX в. известный русский историк Николай Михайлович Карамзин, написав: "Великий князь начал употреблять сей герб с 1497 г."

Форма изображения всадника, поражающего дракона, на лицевой стороне печати навела Лакиера на мысль, что это

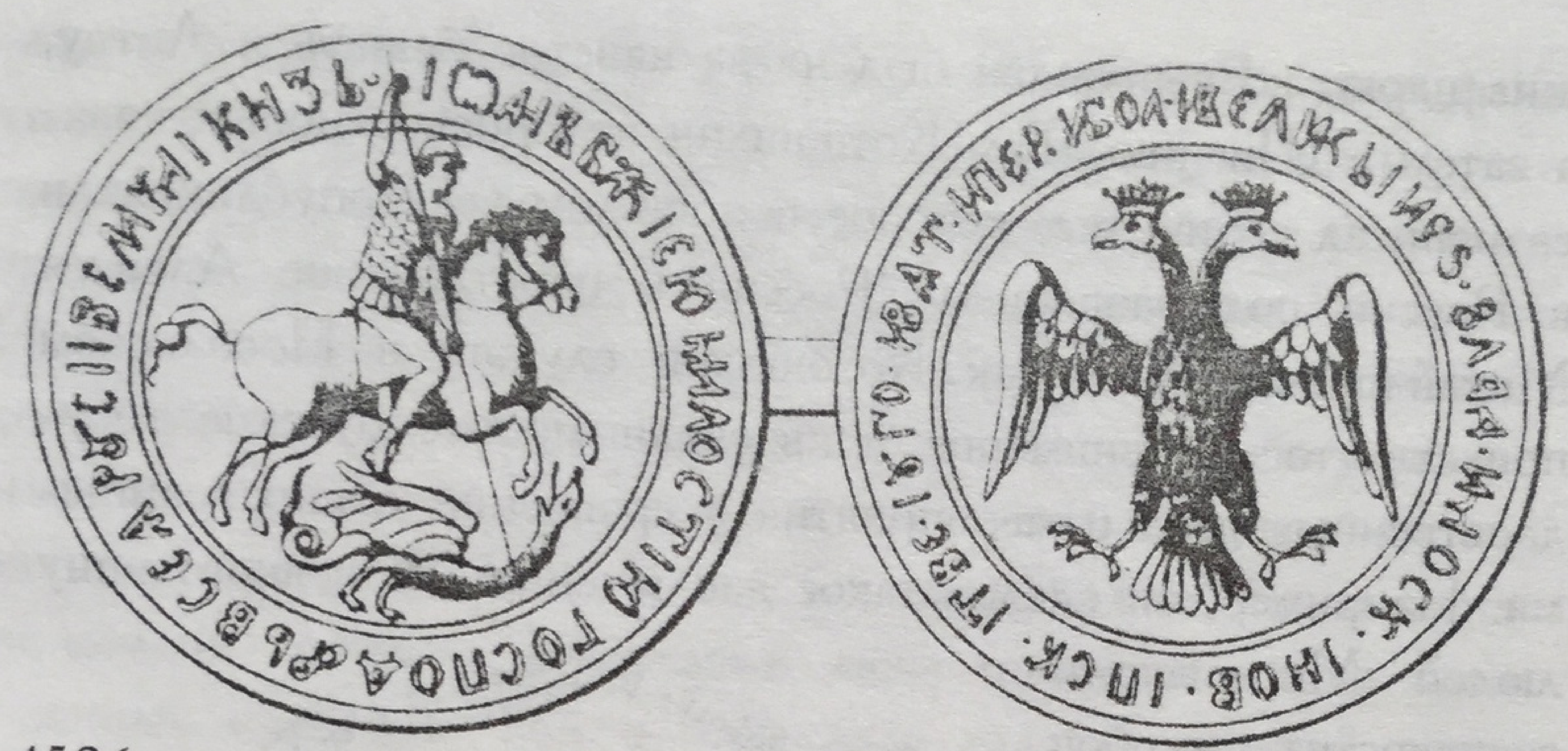
Святой Георгий. В то же время его смущало отсутствие нимба над головой всадника. В нем Лакиер однозначно видел московский герб. Всадник с копьем, убивающий змея, по мнению Лакиера, был самим великим князем, т.е. представлял собой как бы его портрет. "Герб Москвы, — писал Лакиер, — был первоначально верным и наглядным изображением великого князя, поражающего внешних и внутренних врагов, портретом царя и впоследствии его наследника. Потом, когда великий князь стал государем всея России, его частному, личному гербу, его печати и знамени усвоено (придано. — Н.С.) значение герба городского".

Когда же наступило это "потом"? Лакиер не дал четкого ответа на вопрос. Он был образованным человеком, прекрасно знал несколько иностранных языков, читал зарубежную геральдическую литературу. В свою книгу "Русская геральдика" Лакиер включил несколько глав, рассказывающих о зарождении гербов их развитии в Западной Европе. Он перечислил все правила, на основе которых веками складывалось геральдическое искусство в европейских странах. Отметил даже, что форма герба заимствована Россией из Западной Европы.

Однако искреннее желание во что бы то ни стало обнаружить в "древней русской жизни" "начала и основания" всех гербов увело Лакиера от объективного и научного осмысления многих вопросов.

Например, он написал об откликах иностранцев на "московский" герб. Тут бы ему и подчеркнуть, что речь идет не о городском гербе, а о гербе "Московии" — так в средневековье называли за рубежом Русское государство.

Имеется ряд свидетельств XVI в. о восприятии всадника, колющего дракона, как герба московского великого князя, герба Московского княжества, т.е. герба государства Российского. В "Записках о Московии" немецкого дипломата Сигизмунда Герберштейна, который побывал в Москве в 1517 и

1526 гг. и рассказал европейскому читателю о жизни, нравах и быте простых людей и великокняжеского двора "Московии", помещено описание великокняжеской печати. Это, по словам Герберштейна, небольшая вислая печать красного цвета. "На передней стороне ... печати было изображение ... человека, сидящего на коне без седла и поражающего копьем дракона, на задней же стороне был виден двуглавый орел..." Книга Герберштейна была издана не один раз во многих странах Европы. И всадник представлялся читателям как герб "Московии". Известны западноевропейские гравюры XVI в., на которых изображался скачущий на коне рыцарь, а под копытами коня — поверженный, поднявший лапы вверх дракон. Надпись над рисунком гласила, что это герб "Московии".

В XVII в. всадник, повергающий дракона, все еще воспринимался современниками как герб Московского княжества. Например, побывавший в России А. Мейерберг составил большой альбом зарисовок, среди которых изобразил и герб Московского княжества в виде рыцаря, борющегося с драконом.

"Истинная Московского княжения печать" — это та, где "царь на коне победил змия", — так писал сведущий в гербах человек, подьячий Посольского приказа Григорий Карпович Котошихин. Он с молодых лет верой и правдой слу-

жил царю, но вынужден был из-за наветов бежать в Литву, а затем в Швецию. Там Котошихин по просьбе новых хозяев написал сочинение, которое в прошлом веке опубликовали в России под названием "Россия в царствование Алексея Михайловича". Так как Котошихин служил в Посольском приказе, то его внимание привлекали многие русские государственные дела и мероприятия в сравнении с иностранными. Например, он сделал такое заключение: "У всякого чину людей Московского государства гербов не бывает". Как служащий государственного учреждения он знал, о чем писал. Действительно, в середине XVII в. гербы в России еще не утвердились, в то время как в Западной Европе они уже давно существовали.

В "Словаре древнерусского языка" отмечается употребление слова "герб" в XVI в., но лишь в посольских делах. При царе Иване IV Грозном в 60-е гг. XVI в. после его побед в Прибалтике для Ливонской земли сделали печать, описание которой имеется в летописи. Слово "герб" в этом описании относится к эмблемам завоеванных областей: "а на печати клеймо: орел двоеглавый, а у орла у правые ноги герб маистра (магистра. — Н.С.) Ливоньского, а у левые ноги герб печать Юриевского бискупа (Дерптского епископа. — Н.С.)".

XVII век приближает Россию к гербам. В правление Алексея Михайловича на русскую службу переходило с За-

пада много дворян, прежде всего из Польши. Знатные фамилии имели родовые гербы. Старалась подражать им и русская знать. Эмблемами украшались посуда и другие бытовые предметы, их вырезали на перстнях — личных печатях. Нельзя сказать, что так было в каждой богатой и знатной семье, не все следовали западной моде. Какими-либо указами или постановлениями эмблемы еще не узаконивались, но постепенно русские бояре и дворяне прельщались красочными родовыми гербами. Некоторые даже поменяли их на свои военные прапоры. Тон в этом деле задавал царский двор. По приказу царя Алексея Михайловича "строят" гербовое знамя, рисуют на холсте герб Московского государства, помещают рельефы с изображениями гербов на кремлевских постройках и т.д.

От времени Алексея Михайловича дошло до нас первое официальное описание Российского государственного герба

(1667 г.), а также первый российский гербовник — Титулярник (1672 г.). Гербовник был выполнен мастерами Посольского приказа и Оружейной палаты в трех экземплярах, так сказать, "для внутреннего пользования". Титул государя сопровождался миниатюрами — эмблемами территорий: земель, царств, княжеств, названия которых составляли царский титул. Впоследствии часть эмблем Титулярника 1672 г. применялась при создании городских гербов, постепенное вхождение которых в жизнь Российского государства относится к этому же времени.

Почему же не раньше, как во многих странах Западной Европы?

Потому что городской герб и получение городом прав и привилегий тесно связаны. Города Западной Европы боролись, иногда с оружием в руках, за свои права. В результате города имели собственный городской суд, особую военную корпорацию, выборные органы власти. Власть сосредоточивалась в руках городского совета. Он был обязан решать вопросы об отмене повинностей, которые требовал от города сеньор, замене их денежной выплатой, определять порядок взимания налогов с жителей, ведать административными делами, осуществлять надзор за торговлей и ремеслом, руководить военными силами города и т.д.

Естественно, что не каждый европейский город обладал всем комплексом прав, однако городское самоуправление было первым признаком тех привилегий, которые получили горожане — "третье сословие" в Западной Европе. Символом этого самоуправления и являлся городской герб.

На политическое устройство русского города отрицательно повлияло прежде всего монголо-татарское нашествие. В результате чужеземного ига, сказавшегося на развитии русского города, а также из-за особенностей феодальных отношений, которые способствовали усилению крепостничества и распространению его на города, последним на длительное

время было уготовано скромное место в политической жизни государства. В результате статус города на Руси и прежде всего политическое самосознание горожан — самоуправление, свободы и привилегии не достигли такой зрелости, как в некоторых странах Западной Европы. Русское городское население в XIV — XV вв., когда наступил расцвет городских гербов в Западной Европе, не в состоянии было справиться собственными силами с обрушившимися на него экономическими и политическими тяготами. Наоборот, для борьбы с иноземным гнетом надо было объединиться и княжествам и городам. Подобное объединение привело к тому, что многие города лишились даже зачатков самоуправления, как было, например, в Новгороде, Пскове.

Московский великий князь Иван III, созидатель единого Русского государства, Москву превратил в центр этого объединения. Но получила ли Москва как город какие-либо особые муниципальные права? Пока что историки отвечают на этот вопрос отрицательно.

Напротив, как столичный город она находилась под усиленным наблюдением верховной власти. Василий Осипович Ключевский приводит сведения о том, что в конце XVI в. "Москва управлялась особенным образом, именно состояла под прямым ведением царской Думы, члены которой в известных судебных местах выслушивали все важные дела городских жителей. Для обыкновенных дел, например, относительно построек, содержания улиц, определялись два дворянина или дьяка, которые составляли с подьячими присутственное место — Земский двор". Известно, что в отсутствие монарха Москвой управлял наместник — боярин, пользовавшийся особым доверием царя. В помощь ему определялись два-три товарища (заместителя). Со времени Петра I в Москве производилось назначение царем генерал-губернатора. В середине XVII в. они стали называться главнокомандующими.

Конечно, подобный порядок отличался от правовой основы, на которой строилось городское управление в ряде западноевропейских стран. Однако нельзя отрицать, что на Руси еще до монголо-татарского нашествия существовали символические знаки, эмблемы, личные княжеские знаки. Некоторые из них превратились впоследствии в городские

гербы. Например, личным знаком владимиро-суздальских и галицких князей (Галицко-Волынское княжество — крупнейшее княжество в Южной Руси со столицей в Галиче, затем во Львове) был лев. Лев стал впоследствии главной фигурой в гербах городов Владимира и Львова. В герб Москвы также была принята старая русская эмблема — эмблема московского княжения, знак "Московии".

В правление же Алексея Михайловича, когда законодательно со всеми атрибутами — тремя коронами над головами, скипетром и державой в лапах двуглавый орел с воином, побеждающим дракона, на груди стал гербом Российского царства, нет упоминаний о каком-то особом знаке города Москвы. Напротив, при описании государственной печати (герба) сообщается, что у орла "на персех изображение наследника", а вовсе не герба Москвы. Даже в Титулярнике 1672 г., где помещены эмблемы земель, царств, княжеств, входивших в титул государя, причем около каждой написано, чья она, надпись "московский" помещена с обеих сторон шеи двуглавого орла. С середины XVII в. на золотых и серебряных изделиях должны были ставить клеймо со знаком того места, где они изготовлялись. На московских городских клеймах регулярно почти в течение ста лет изображался просто двуглавый орел без всякого всадника, дата славянскими буквами или арабскими цифрами, а также буква "М" — Москва.

Впервые термин "городской герб" официально появляется в царском указе 1692 г. Указ предписывал в местном органе администрации (Приказной избе) города Ярославля "быть печати изображением герб ярославской". Можно сказать, что при Петре I создание городских гербов стало государственным делом. И связано оно с различными мероприятиями в области городского устройства. Царь-реформатор исключил городовые магистраты, которым отводилась роль главы "градского общества", из-под власти воевод и губернаторов (представителей "центра"). Он создал высший орган город-

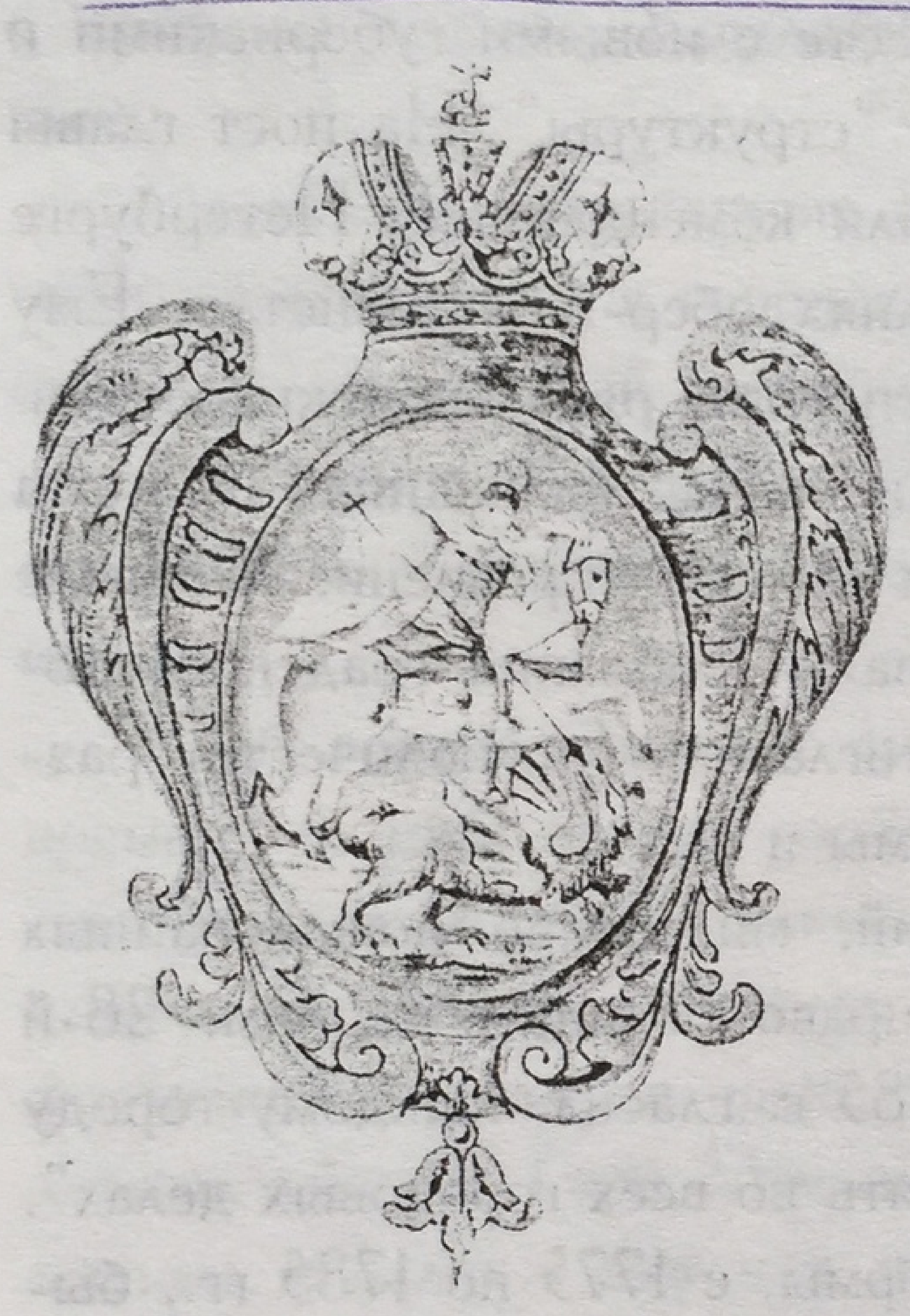
ского управления в России — Главный магистрат. В его функции входило "ведать всех купецких людей судом и о их делах доносить в Сенат, и рассыпанную сию храмину паки собрать". Городская судебная печать должна была иметь изображение герба города.

Городские гербы для подобных печатей "сочинялись" в специальном учреждении, созданном Петром I, — Герольдмейстерской конторе. Так как в России, по словам самого царя, составление гербов было "делом нового основания", то для их "сочинения" был приглашен иностранец — пьемонтский дворянин Франциск Санти.

Санти "раскрасил" российский герб. В одном архивном документе имеются сведения о геральдических цветах российского герба. Получил их и всадник, который являлся его частью: "Поле золотое или желтое, на котором изображен императорский орел песочной, т.е. черной, двоеглавой... На орловых грудях изображен герб великого княжества Московского, который окружен гривною, или чепью, ордена святого Андрея. И есть сей герб таков, как следует. Поле красное, на котором изображен святой Георгий с золотою короною, обращен он налево, он же одет, вооружен и сидит на коне, который убран своею збруею с седловою приправою с покрышкою и подтянут подпругами, а все то колера серебряного, или белого; оной святой Георгий держит свое копье в пасти, или во рту, змия черного". Это довольно неуклюжее описание-перевод с французского языка. Санти, не говоривший по-русски, составил это описание согласно принятой во Франции геральдической терминологии.

Что для нас очень важно в этом описании? Всадник, колющий копьем змия, назван здесь Святым Георгием. Так его называл и царь Петр I, в записной книжке которого в начале XVIII в. имелась помета относительно государственного герба. В ней со свойственной ему безапеляционностью Петр I утверждает: "Сие имеет начало свое оттуду, когда Владимир

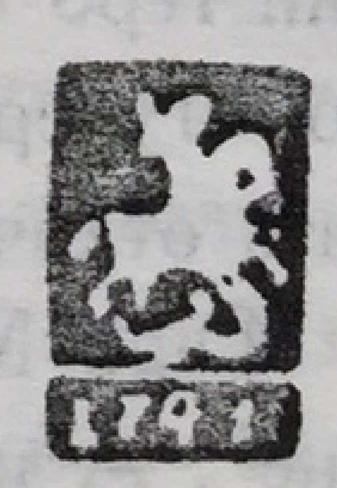
монарх расиски свою империю разделил 12 сынам своим, из которых владимерския князи возимели себе сей герб с. Егория...” Сведения, конечно, легендарные. Однако всадник, колющий дракона, уже не называется “человеком на коне”, “царем на аргамаке”, “ездецом” (по-польски — конник), как это было на протяжении XVI — XVII вв.

Можно сказать, что с начала XVIII в. всадника государственного герба лишь изредка называют “ездецом”. Все чаще и чаще именуют его Святым Георгием, рисуют в соответствующих цветах, ассоциируют с городом Москвой. Если еще в 1712 г. Московские полки имели на своих знаменах изображение двуглавого орла со щитком на груди, а в нем — Святого Георгия на коне, то к 1730-му г. московская эмблема в цветовом плане выглядит несколько по-иному: “Георгий на коне белом, побеждающий змия, епанча (плащ) и копье желтые, венец желтой же, змей черный, поле белое, а в середине красное”.

Помещение Георгия Победоносца на пробирных клеймах в Москве может уже определенно свидетельствовать о признании этой эмблемы городским гербом. В 1741 г. московское клеймо с двуглавым орлом и буквой “М” заменяется другим — с изображением Святого Георгия.

Жизнь российского города в течение XVIII в. меняется: появляются крупные мануфактуры, цехи ремесленников, развивается

внутренняя и внешняя торговля, растет значение живущих в городе купцов и мещан — укрепляется "третье сословие". Заметное изменение роли городов в жизни Российской империи заставило правительство Екатерины II реформировать городскую жизнь и прежде всего — управление городом. В 70-80 гг. XVIII в. в России проводились грандиозные реформы местного управления: вместе с новыми губернскими и уездными возникли и городские "структуры". На пост главы города назначался городничий или комендант. В Петербурге и Москве эту должность исполнял обер-полицмейстер. Ему помогали управлять городом магистрат, ряд городских судов. 21 апреля 1785 г. была опубликована жалованная грамота городам. Она-то и предоставила им самоуправление. Отныне в российских городах существовали "собрания градского общества", общая градская и шестигласная (по количеству разрядов городского населения) Думы и т.д.

Среди городских привилегий, милостиво пожалованных городу императрицей, было и право обладать гербом. 28-й пункт Городового положения 1785 г. гласил: каждому городу "иметь герб ... и оный употреблять во всех городовых делах". За десятилетие проведения реформы, с 1775 по 1785 гг., были составлены и утверждены императрицей Екатериной II несколько сотен городских гербов. Составление их продолжалось и после реформы.

В документе "Об утверждении гербов городам Московской губернии" (20 декабря 1781 г.) подчеркивалось, что герб Москвы принадлежит главному городу губернии, т.е. он является исключительно городским. В то же время московский герб был неотъемлемой частью любого города Московской губернии, ибо размещался в верхнем поле гербового щита отличительного знака данного города.

Герб Москвы "по-старому" назван "святым Георгием на коне". А изображен он "против того ж, как в средине государственного герба".

На печатях с государственным гербом, на некоторых монетах Георгий Победоносец изображен в каске о плюмажем, его копье заканчивается острым навершием, он одет в похожий на рыцарский военный доспех. Подобный вид имеет и московский всадник. Развевающийся плащ его отныне окрашен в синий (лазуревый) цвет, конь — серебряный (белый) с красным седлом. Крылатый змий (дракон) остается черным.

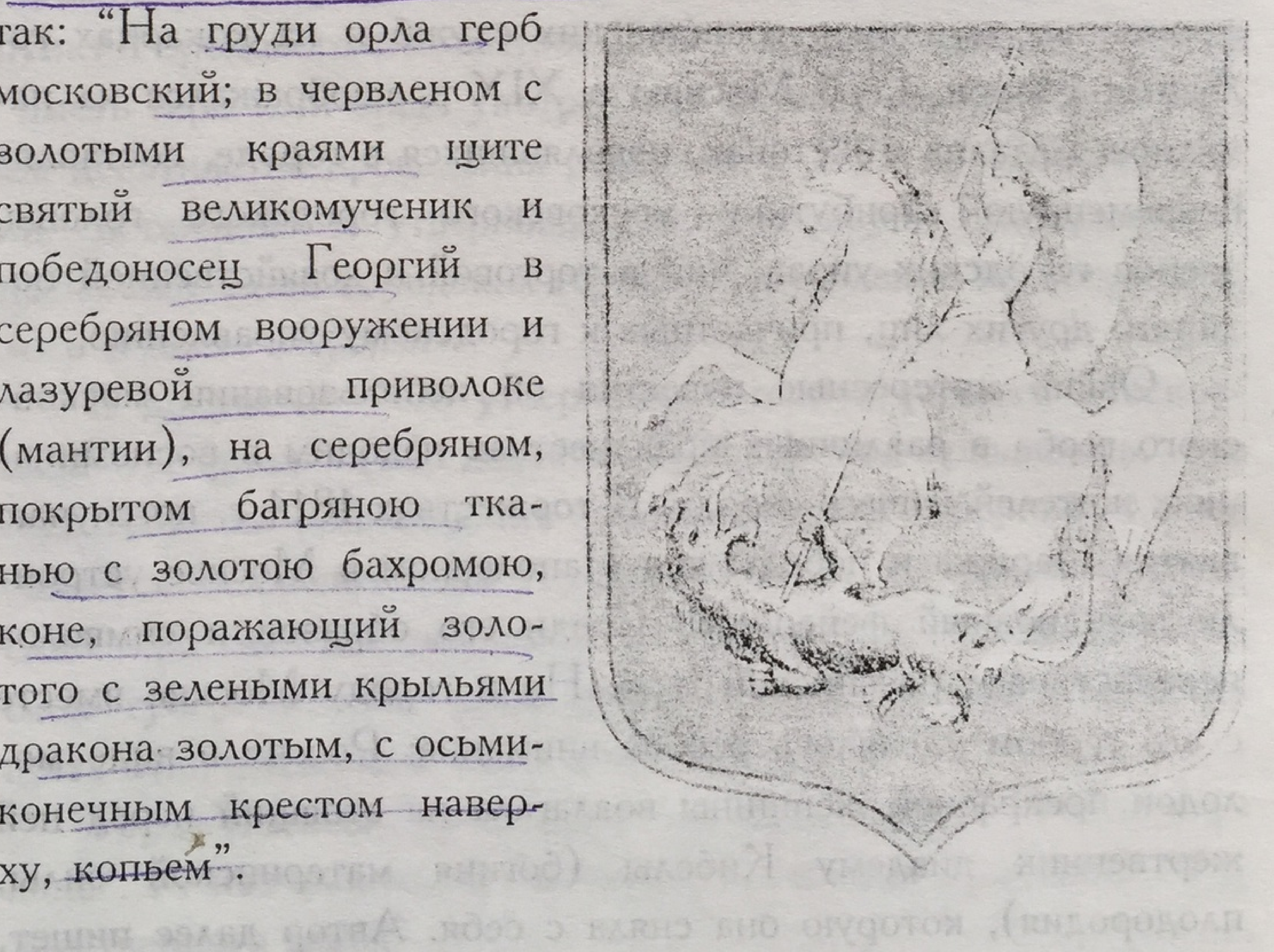
Официально введенные городские символы сразу же заняли важное место в городской жизни, прежде всего в обеих столицах Российской империи — Санкт-Петербурге и Москве — историческом центре России. В первую очередь были изготовлены "печати градского общества" с городским знаком.

Герб города вряд ли смотрел на жителя Москвы того времени со стен зданий городской администрации или городских стен и ворот. Однако москвич XIX в. видел его ежедневно на различных знаках должностных лиц, на пуговицах форменных мундиров гражданских служб и на кокардах головных уборов. Герб Москвы в XIX в. изображался на памятных медалях и жетонах, появлявшихся в городе, составлял непременную атрибутику московского городского головы, членов городских управ, чинов торговой и хозяйственной полиции, других лиц, причастных к городскому управлению.

Очень интересные известия об использовании московского герба в различных празднествах находим в воспоминаниях жителей нашего города. В торжествах 1814 г. по случаю взятия Парижа и победы над Наполеоном в Москве устроили грандиозный фейерверк. Среди его образов и символов первенствовал российский герб. Но и городу Москве вместе с его гербом уделялось особое внимание: Россия в виде молодой прекрасной женщины возлагала на стоящий перед ней жертвенник диадему Кибелы (богиня материнской силы, плодородия), которую она сняла с себя. Автор далее пишет,

что "Кибелиной диадеме, составленной из башен, дан был вид кремлевских стен и Ивановской колокольни, а на диадеме помещен был московский герб в ознаменование великой жертвы, принесенной Москвою, и надпись — "Торжествует!"".

Поскольку Георгий Победоносец составлял часть герба Российской империи, любое изменение последнего влекло за собой и изменение конфигурации всадника на груди двуглавого орла. В 1857 г. при Департаменте Герольдии Правительствующего сената открылось специальное отделение по изготовлению гербов — Гербовое отделение. Долго искали знающего "гербоведца", но среди соотечественников такого не нашлось, даже в Академии наук. Поэтому пришлось обращаться к иностранцам, работающим в России. Должность управляющего занял Бернгард (Борис Васильевич) Кёне, сотрудник Эрмитажа. Он произвел существенные художественные изменения в государственном гербе России. Изменилась и центральная гербовая фигура. Она теперь описывалась так: "На груди орла герб московский; в червленом с золотыми краями щите святый великомученик и победоносец Георгий в серебряном вооружении и лазуревой приволоке (мантии), на серебряном, покрытом багряною тканью с золотою бахромою, коне, поражающий золотого с зелеными крыльями дракона золотым, с осьмиконечным крестом наверху, копьем".

Цвета были непривычны, но особенно непривычным был вид самого святого воина — в западноевропейском шлеме, повернутого влево от зрителя, в необычную для русского глаза сторону. В 1857 г. этот рисунок, воспроизводивший герб Москвы, публиковался в Полном собрании законов Российской империи.

Герб Москвы 1883 г.

Подобный же вид имеет "герб столичного города Москвы", который высочайше утвержден несколько позднее — 16 марта 1883 г. Гербовый щит богато украшен: его венчает императорская корона, за щитом — два крест-накрест положенных скипетра, которые обвивает голубая Андреевская лента. Разнобой в изображении городского герба не допускался.

По предложению Б.В. Кёне, герб Москвы (без украшений щита) помещался в вольной части гербового щита (в одном из его верхних углов) всех городских гербов Московской губернии. Как официальный знак города Москвы в подобном виде он просуществовал до 1917 г., а точнее — до 1918 г., когда новая власть приняла декрет "О памятниках республики". По этому декрету учреждалась специальная комиссия, в задачу которой входила "замена надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т.п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России".

На этом прервался многовековой этап существования городского символа исторической столицы Российского государства. На несколько десятков лет от жителей Москвы "ушел" героический воин, поражающий своим копьем нечисть. Ушел, чтобы вернуться в наши дни.

Вдумчивого читателя вряд ли удовлетворит рассказанная выше история московского герба. Он непременно задастся вопросом: так кто же скрывается за фигурой Драконоборца? То его называют "князь", то "ездец" (всадник), то — Георгий Победоносец. Почему? И если это святой, то над головой обязателен нимб, а у московского Георгия его нет...

Не было однозначного ответа на этот вопрос в XIX в., нет его и сейчас. А все потому, что вопросы семантики — смыслового содержания, расшифровки той или иной средневековой эмблемы чрезвычайно сложны. Тем более, что в письменных источниках имеется мало сведений о российских символах.

Фигура московского герба, как указывалось выше, изначально представляла собой великокняжеский, государственный символ. По поводу истолкования этого символа, помещенного на государственных печатях и в гербе, в XVI — XVII вв. не было единства. Русские люди никогда не называли его в это время Святым Георгием. Приведу несколько примеров. В XVI в. новгородский архидиакон Геннадий, отправившийся в 1558 г. "ко Царюграду и в Иерусалим, и во Святую Гору и во Египет по монастырем с милостынею (подарками. — Н.С.) царскою", имел беседу с патриархом Александрийским. Когда тот, рассматривая верительную грамоту царя Ивана IV с печатью, спросил: "На кони... благоверный царь на сей печати?" Геннадий ответил: "Государь на кони". В XVII в. подобная трактовка образа всадника, поражающего дракона, сохраняется. В описи Оружейной палаты имеется сведение о хранившемся там гербовом знамени царя Алексея Михайловича. На нем изображен двуглавый

орел, а на груди у него "царь на коне колет копием змия". Дипломат Лихачев, будучи на приеме у герцога Тосканского в 1659 г., спорил с ним, доказывая, что на одном из сосудов, стоящих на столе, изображен не Георгий Победоносец, а "великий государь на аргамаке". Упоминавшийся уже Котошихин писал, что на "истинной Московского княжения печати" вырезано: "царь на коне победил змия".

В то же время иностранцы, посещавшие Россию в это время, в один голос в своих записках о России уверяют современников, что на русских печатях, монетах, в гербе изображен Святой Георгий. На "денгах копейных" увидел его еще Рафаэль Барберини в 1565 г. "В Москве... — писал он, — изображается на этой монете всадник на коне с мечом в руке; да в Новегороде, — с изображением на ней святого Георгия" (всадник с копьем. — Н.С.). Посол Священной Римской империи Даниэл фон Бухау через десять лет сходным образом толковал символику всадника: "Вместо герба московские князья употребляют образ святого Георгия воина, поражающего копьем дракона"; "а у орла на груди помещен образ Георгия". В XVII в. врач царя Алексея Михайловича англичанин Коллинз сообщает то же самое: у двуглавого орла "на груди святой Георгий на коне".

Как видим, иностранцы, для которых использование в гербах святых было делом обычным, в композиции всадника, колющего дракона, видели сюжет, широко распространенный в христианском мире Западной Европы. Для них являлось несущественным, что всадник был лишен нимба. Изобрази-

тельное искусство Западной Европы в этот период (XIV – XVI вв.) восприняло уже идеи Возрождения, когда религиозные сюжеты получили светское толкование. При воплощении Святого Георгия, например, в итальянском, французском, немецком искусстве на первый план выдвигается героическая и патриотическая сущность святого воина. Религиозное же содержание отступает настолько, что герой церковной легенды перевоплощается в человека, побеждающего в битве врага. Соответственно меняется и его атрибутика, она отступает от канонов, например, на голове святой воин может иметь шлем, повязку, венок и т.д.

На Руси, где еще в XVI в. искусство следовало церковным (византийским) канонам, подобная вольность в отношении изображения святых не допускалась. Интересно, что в XV в. на монетах, которые чеканили великие князья Москвы и Твери, а также князья прилегающих к ним уделов, если на них изображался вооруженный всадник, то около него ставились буквы "К", "К – Н". Эти буквы должны были обозначать, что изображен князь. Обозначение князя буквами встречается даже на тех монетах, где изображен всадник, поражающий копьем дракона. С XVI в. всадник на груди двуглавого орла часто изображался в короне. Иногда этот всадник как на монетах, так и на печатях, имел портретное сходство с государем, при котором изготовлялись эти монеты или печати. Так что именование всадника царем или государем для российских подданных в XVI – XVII вв. выглядит вполне естественным.

Но вернемся к XV в., к истокам эмблемы, ставшей впоследствии московским гербом. Существенным, на наш взгляд,

является утверждение прежде всего в московском регионе специфического сюжета — воина, убивающего копьем дракона. Использование Драконоборца в русских княжествах заметно совпадает со временем, последовавшим за победой великого московского князя Дмитрия Ивановича Донского на Куликовом поле в 1380 г. Сыновья Дмитрия Ивановича, племянники, внук, правнук, князья, придерживавшиеся "московской ориентации", считают этот сюжет "своим". Они помещают фигуру конного воина, побеждающего дракона, на монетах и печатях, на бытовых предметах. Например, Святой Георгий, убивающий дракона, изображен на подписной чаше сына Дмитрия Донского — Юрия (Георгия) Дмитриевича.

Великий московский князь Иван III использует эту эмблему буквально с первых лет своего правления. Всадник, поражающий дракона, появляется на его монетах, на наградных деньгах, на печатях, которые скрепляли жалованные грамоты, "верющие" (верительные) грамоты послам, отправленным за рубеж. Наконец, Драконоборец занимает место на главной печати — печати 1497 г., и с этого времени его изображение становится обязательным для всех печатей русских государей.

Как бы ни казался Драконоборец светским, вряд ли он был таковым в то время. Дело в том, что не сохранилось никаких литературных отзвуков о борьбе князей со змеями-драконами. Но на Руси широко была известна повесть о Георгии-Змееборце. Эта повесть называлась Чудо Георгия о змие. Пришла она к нам из Византии. Первый перевод с греческого языка известен от XI в. А в конце XII-го или в начале

XIII в. буквальный перевод заменили русским изложением событий, сделали текст более лаконичным и в то же время образным, легко читаемым. Тот, кто не умел читать, мог узнать о мучениях Георгия при жизни и его подвигах, стоя в храмах перед житийной иконой этого святого: в "клеймах", окружающих центральное изображение Георгия, перед верующими наглядно воспроизводилась его жизнь.

Георгий — один из наиболее популярных христианских святых, герой многочисленных сказаний и песен у всех христианских народов и мусульман (Джирджис). Исторически достоверных фактов о его личности не существует. Древнейшие письменные данные о нем относятся к IV — V вв., они содержат сказание о мучениях, которые вытерпел Георгий за свою веру в Христа. Официальная христианская литература считает, что он родился в Малой Азии (Каппадокии), был комитом — принадлежал к местной знати, имел высокий военный чин. Римский император Диоклетиан (284 — 305 гг.) боролся с христианами. Принуждали отречься от христианства и Георгия, но он несмотря на жестокие мучения, отрекся только от своего воинского чина. По преданию он был обезглавлен 23 апреля ок. 303 г. Такая смерть поставила

Георгия рядом с другими христианскими мучениками из военного сословия — Федором Стратилатом, Дмитрием Солунским... Все они считались покровителями "христолюбивого воинства". Георгий являлся образцом сословной чести: в Византии — для военной знати, в Западной Европе — для рыцарства, в славянских странах — для князей. Он и пришел на Русь из Византии прежде всего как покровитель князей. Его имя с первых веков христианства давалось русским князьям — уже в 988 г. при крещении киевского князя Ярослава назвали Георгием. После одной из своих военных побед над кочевниками Ярослав Владимирович в 1037 г. основал в Киеве монастырь в честь своего святого патрона и повелел праздновать день Святого Георгия 26 ноября.

На иконах Святой Георгий изображался всегда с оружием. Византийский художественный канон предписывал воплощать образ этого святого в виде юноши с выразительными глазами, прямым носом, тонкими изящными бровями, а также с вьющимися волосами, образующими на голове буклевидную шапку. Таким он запечатлен на многих русских иконах — стоящий воин держит в одной руке щит, а в другой копье или меч.

Позднее, примерно с середины XI в., более популярным становится другой образ Георгия — воина-всадника, поражающего копьем дракона. Исследователи называют его "простым", ибо в композиции нет иных человеческих фигур. Они считают, что подобное изображение символизирует победу христианства над язычниками, иногда — неверными или дьяволом. Постепенно композиция усложняется — в XI в. перед конем появляется женская фигура, а от XII в. в русской живописи (фрески Георгиевского собора в Старой Ладоге) сохранилось прекрасное произведение. Художник запечатлел не само единоборство Георгия с драконом, а момент "приручения" его. Георгий изображен спокойно едущим на коне. В правой руке он держит копье (с развевающимся

стягом ?), большой щит закинут за левое плечо. На переднем плане — дракон, которого ведет на поводке царевна. Они идут к городу, где из башни смотрят на процессию царь с царицей и горожане.

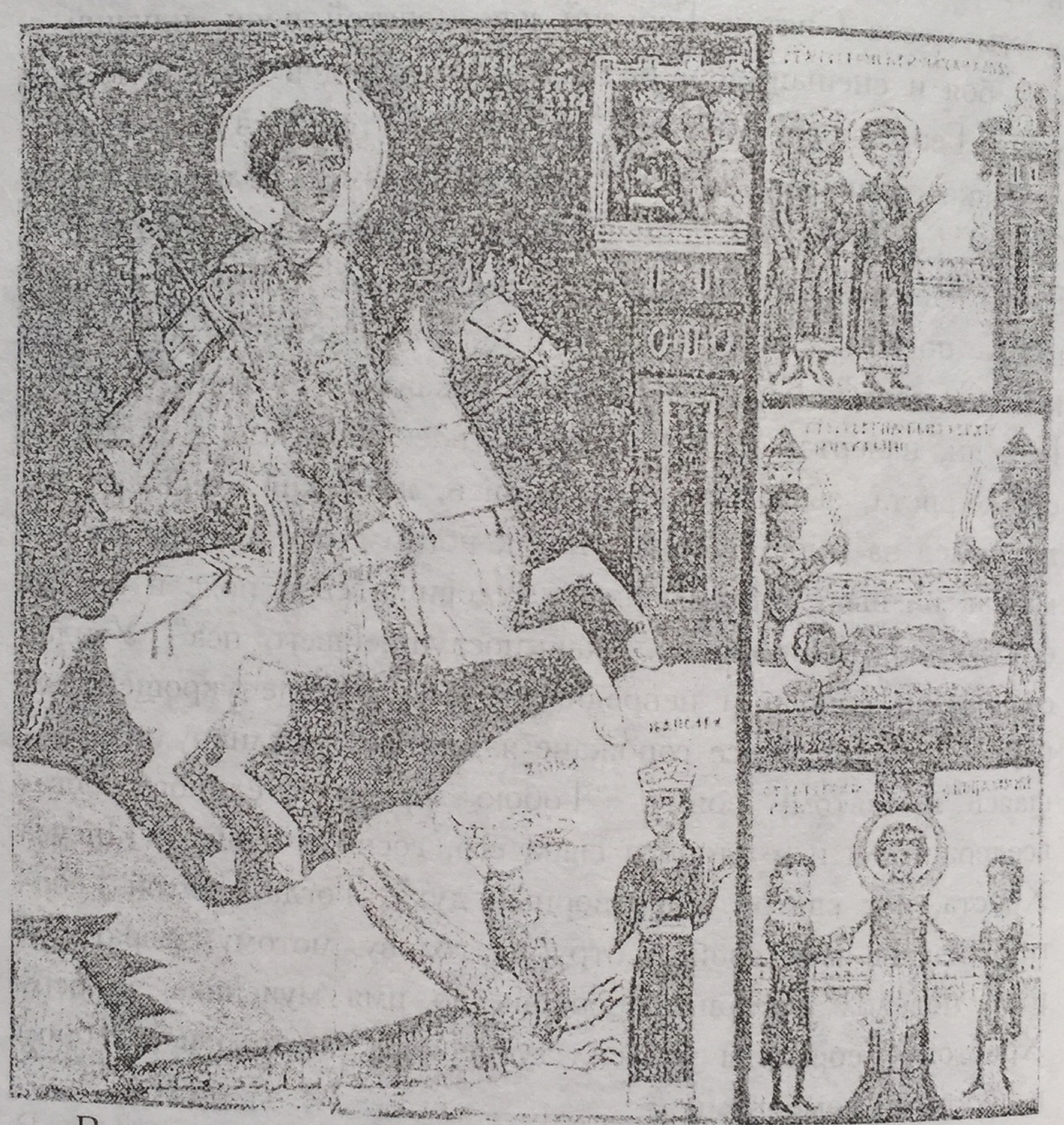
Эта художественная композиция — своеобразная иллюстрация одного из чудес, сотворенных Святым Георгием. Легенда, превращенная в литературное произведение — Повесть "Чудо Георгия о змие", рассказывает, что возле некоего палестинского города Гевал, жители которого были язычниками ("все поклонялись идолам"), было большое озе-

ро. В нем поселился огромный змий, поедающий одного за другим жителей города. Пришел черед и правителю города выдать на съедение монстру свою единственную дочь. Отвели ее на берег озера и оставили там. В тот же час оказался на том месте Святой Георгий как простой воин, идущий с поля боя и спешащий в родные края. Увидев плачущую царевну, Георгий спросил ее: “Зачем ты стоишь здесь, дева?” Девушка рассказала ему о чудовищном змее-людоеде. Тогда Святой Георгий, “на небо воззрев”, обратился с молитвой к Богу: “Выслушай меня, недостойного раба твоего, и покажи на мне прежние твои милости, и повергни лютого этого зверя к ногам моим”. Как только змей показался из воды, Святой Георгий, начертав на земле крест, воскликнул: “Во имя Иисуса Христа, сына Божия, покорись, жестокий зверь, и ступай вслед за мною”. Змей упал к ногам святого, царевна накинула на шею обессилевшего чудовища свой пояс и повела его в город на поводке, “как послушнейшего пса”. Увидев свою дочь живую и невредимую, а чудовище укрощенным, царь с царицей и все горожане-язычники воскликнули, обращаясь к святому воину: “Тобою веруем в единого Бога-вседержителя и в единого сына его, господа нашего, Иисуса Христа, и в святой животворный дух”. Тогда Святой Георгий “извлек меч свой и отрубил голову лютому зверю”. А царь повелел поставить церковь во имя мученика за веру Христову Георгия и украсил ту церковь золотом и серебром и дорогими каменьями.

Вот такой прекрасный рассказ читали наши предки. В нем Святой Георгий выступает и как богатырь, и как проповедник веры христианской, и как заступник слабых.

А ведь Георгий совершал и другие чудеса. В одной из византийских легенд он защищает скот от воровства, приумножая его количество у владельца. Русский крестьянин считал святого воина покровителем скотоводов и земледельцев, призывая его на помощь при болезни скота. Наказывал свя-

той воин и воров, сторицей возмещая потерпевшему украденное имущество. Словом, разносторонними были его деяния и неслучайно снискал он любовь не только князей, но и простого народа Руси.

Выражена эта народная любовь в русских духовных стихах "О Егории Храбром". По воле создателей стихов Георгий в них — сын Софии Премудрой, царствующей на Святой Руси. От "царища Демьянища" терпит он многие мучения за свою веру, в том числе 30-летнее заточение в подземелье. Затем чудесным образом освобождается из плена и идет по русской земле, защищая Христову веру. В конце концов Егорий Храбрый сражается в поединке с "царищем Демья-

нищем" и побеждает на Руси "басурманство". Доказательством всенародного почитания Святого Георгия служат сохранившиеся до наших дней многочисленные каменные, медные, деревянные и даже костяные иконки, изображающие его, в основном, в виде драконоборца "простого" типа, т.е. без царевны и ее родственников.

После победы на Куликовом поле образ святого Драконоборца для московских князей, несомненно, становится особенно привлекательным. Вряд ли они оставили без внимания и популярность его в народной среде как помощника в мирских делах и защитника христианства. Тем более, что традиция прочно связывала с образом Георгия-воина основателя города Москвы князя Юрия Долгорукого. Этот князь необычайно чтил своего патрона. Он построил много церквей в его честь и даже основал город его имени — Юрьев Польский.

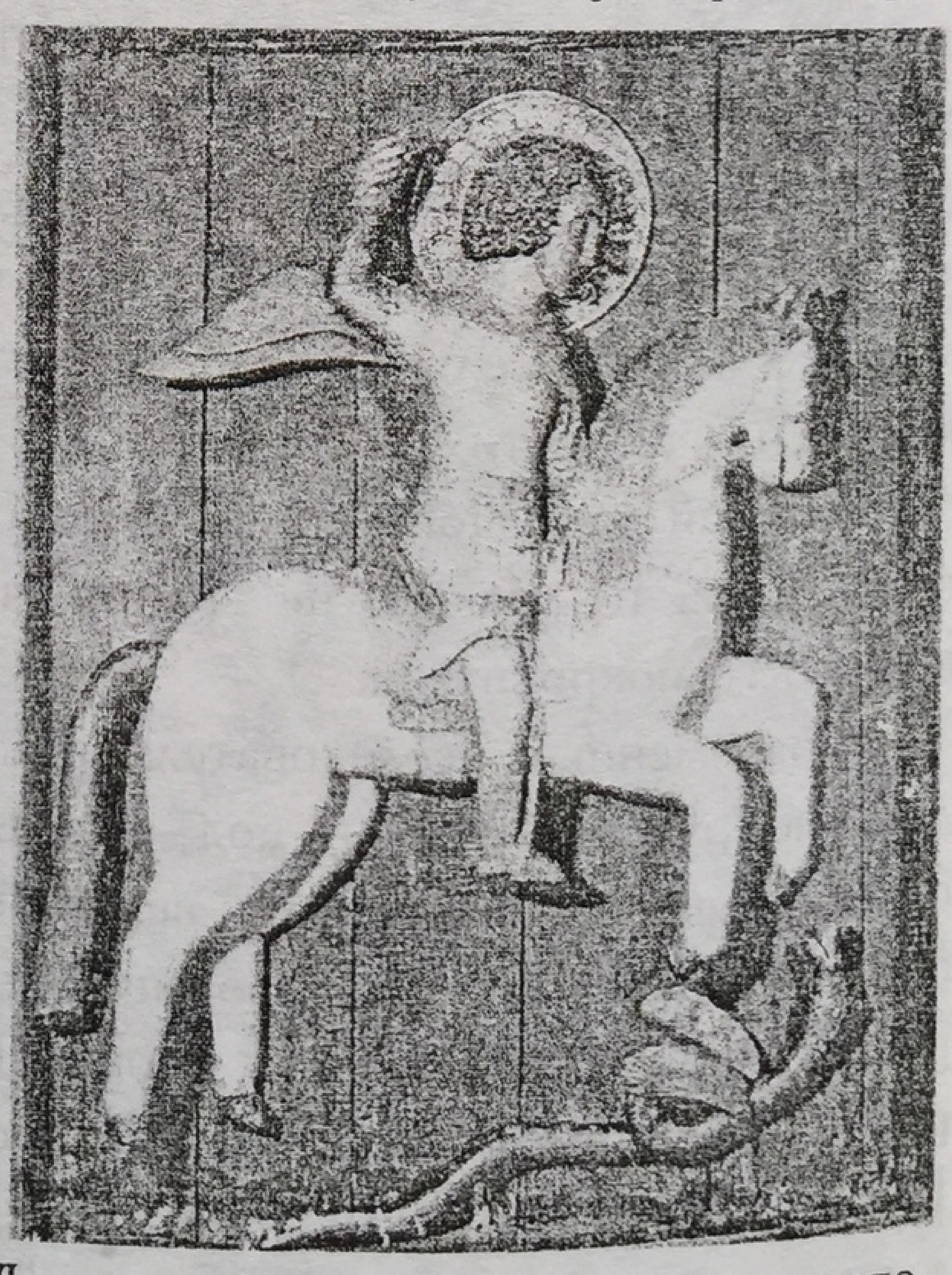
Усиление московских князей породило в обществе XV в. много идей об исключительности Москвы. Эти идеи нашли отражение в тогдашней литературе. Москва выступала преемницей власти — через князей владимирских — от великих князей киевских. Особое внимание уделялось и тем святым, которые покровительствовали героическим подвигам русских князей, в частности Георгию-воину.

Георгий Победоносец не имел отношения к тезоименитству Ивана III, но это не значит, что князь не выделял его как своего покровителя.

Современные исследователи пишут, что борясь за объединение русских земель под властью Москвы, а также за право называться "царем", великий московский князь, как бы мы сейчас сказали, "формировал свой имидж". Особую роль должна была сыграть борьба Ивана III за чистоту веры, противопоставление князя иноверцам и отступникам. Церковь в этом его усиленно поддерживала. "Идеолог складывавшегося Русского государства" архиепископ Ростовский

Вассиан Рыло, который всегда принимал сторону московского князя, написал ему особое послание в 1480 г. Это произошло во время "стояния на Угре", когда ордынский хан Ахмат сделал последнюю попытку восстановить двухсотлетнее иго над Русью. Некоторые советники Ивана III говорили, чтобы он уступил Ахмату. Однако московские горожане были категорически против и требовали от великого князя решительных действий. Их поддержал Вассиан Рыло. Он призвал Ивана III "крепко стояти за православное христьянство", "оборонити свое отечьство ... от безбожных варвар... безбожного бесерменьства", подобно тому, как прадед его (Дмитрий Донской) "мужьство и храбьство показа за Доном... над теми же окаанными сыроядци".

Образ защитника православия как нельзя лучше соответствовал любимому на Руси образу Георгия-Драконоборца. Можно собрать некоторые косвенные доказательства об особом внимании Ивана III к этому святому. Например, собираясь в поход на Новгород, Иван III призывает Георгия Победоносца быть помощником "во бранех". Он посылает в Юрьев Польский архитектора и скульптора В.Д. Ермолина, чтобы восстановить обрушившийся Георгиевский собор; украшает скульптурой святого воина Георгия главные ворота Кремля; по-видимому, не без его ведома создаются деревянные скульптуры Драконоборца, которые, как предпо-

лагают, предназначались для храмов Подмосковья. Наконец, мы можем предположить, что и для своей новой главной печати, отличающейся от всех ей предшествующих, московский великий князь мог выбрать изображение известного всей Руси святого воина Георгия-Змееборца.

Однако согласно церковному канону в любом виде искусства Руси этого времени (будь то живопись (иконопись), малая пластика, скульптура) Святой Георгий-Драконоборец имеет типичные характерные признаки: над головою — нимб, левая рука согнута и придерживает поводья, копьем он колет дракона в пасть, на нем длинное одеяние, почти закрывающее ноги, отчего они кажутся короткими. Признаки, характерные для изображения на Руси конного Георгия вплоть до XVI в. Они устойчивы прежде всего в иконописи, основополагающем изобразительном искусстве средневековой Руси.

Подобным образом Георгий Драконоборец изображен на многочисленных образах из камня, металла, кости, дерева, в скульптурных памятниках, керамическом панно.

На печати — красновосковом оттиске — 1497 г. Святой Георгий Змееборец не столь каноничен: над головой отсутствует нимб, волосы как будто стягивает широкая повязка, обе руки воина охватывают копье, которое поражает крылатого змея (дракона) не в глотку, как в русских вариантах Чуда о змие этого времени, а в шею. Всадник кажется очень длинноногим из-за короткого военного одеяния. Мощь человека, воля, напор, желание победить чудовище — этот стиль отличает изображенного на печати всадника от русской иконописной традиции. Более всего на печати Ивана III Святой Георгий Змееборец напоминает его воплощение в произведениях западноевропейского искусства Возрождения. И прежде всего — итальянского. В подобном образе Святой Георгий, побеждающий дракона, известен не только в живописи и скульптуре, но также на итальянских медалях и монетах.

Знаменитый историк искусства Виктор Никитич Лазарев писал, что именно в Италии в Георгии "наиболее полно воплотился новый гражданский идеал". Сильный смелый герой "готов отразить любой натиск, любую атаку, готов сложить голову, защищая свою Родину, свой родной город". Этот же ученый, много лет изучавший итальянское и древнерусское искусства, посвятил большое исследование художественному образу Святого Георгия. В нем Лазарев подчеркивал, что именно итальянские мастера, прибывшие в Москву в последнюю четверть XV в., принесли сюда традиции североитальянского Возрождения, "которые были умело использованы в целях усиления авторитета московского великого князя". Конечно, в первую очередь имеется в виду каменное строительство в Кремле, которое осуществили итальянские зодчие.

Но были и другие виды деятельности итальянцев в Москве. Например, в русском денежном деле в период княжения Ивана III просматривается "итальянский след". Предполагают, что редкие золотые монеты, так называемые "угорский золотой" (подражание венгерскому золотому дукату) и "корабельник" (подражание английскому ноблю), чеканены итальянскими мастерами. Многие итальянцы переместились в Москву с Крымского полуострова после захвата Каффы и других итальянских колоний турками в 1475 г. Итальянским денежникам великий московский князь предоставлял право чеканить монету. Считается, что серебряные монеты с надписью МАСТЕР АЛЕКСАНДРО и ОРНЕСТОТЕЛЕС, выпустили как раз итальянцы. В последней надписи видят имя АРИСТОТЕЛЬ и связывают выпуск монет с Аристотелем Фьораванти, великим итальянским архитектором, построившим в Кремле Успенский собор. Действительно, Фьораванти знал чеканное дело, возможно, выпускал монету в Венгрии и Италии. Но были и другие чеканщики и серебряных дел мастера.

К середине 80-х гг. XV в. после присоединения к московскому княжеству Новгорода и Твери в Москве скапливается огромное количество художественных ценностей, золота и серебра. Иван III открывает в Кремле художественные мастерские. В них трудились русские мастера, а также иностранцы, которых Иван III собирал из разных стран Европы. Из летописей известно, что в конце 70-х гг. XV в. в Москве уже делал сосуды и другие изделия для великого князя мастер Трифон — ювелир из Котора. В 1490 г. в Москву выехал из Рима серебряник Христофор с двумя учениками, тогда же прибыли Альберт — "немчин из Любека", Карл с учениками из Милана, грек Петр из Венеции и т.д. Вполне можно допустить, что среди приезжих специалистов находились и искусные граверы. Показательно в этом плане, что много лет спустя именно резчики монетных штампов (матриц), граверы, названы "фряжских (итальянских. — Н.С.) резных дел мастерами", в отличие от серебряников.

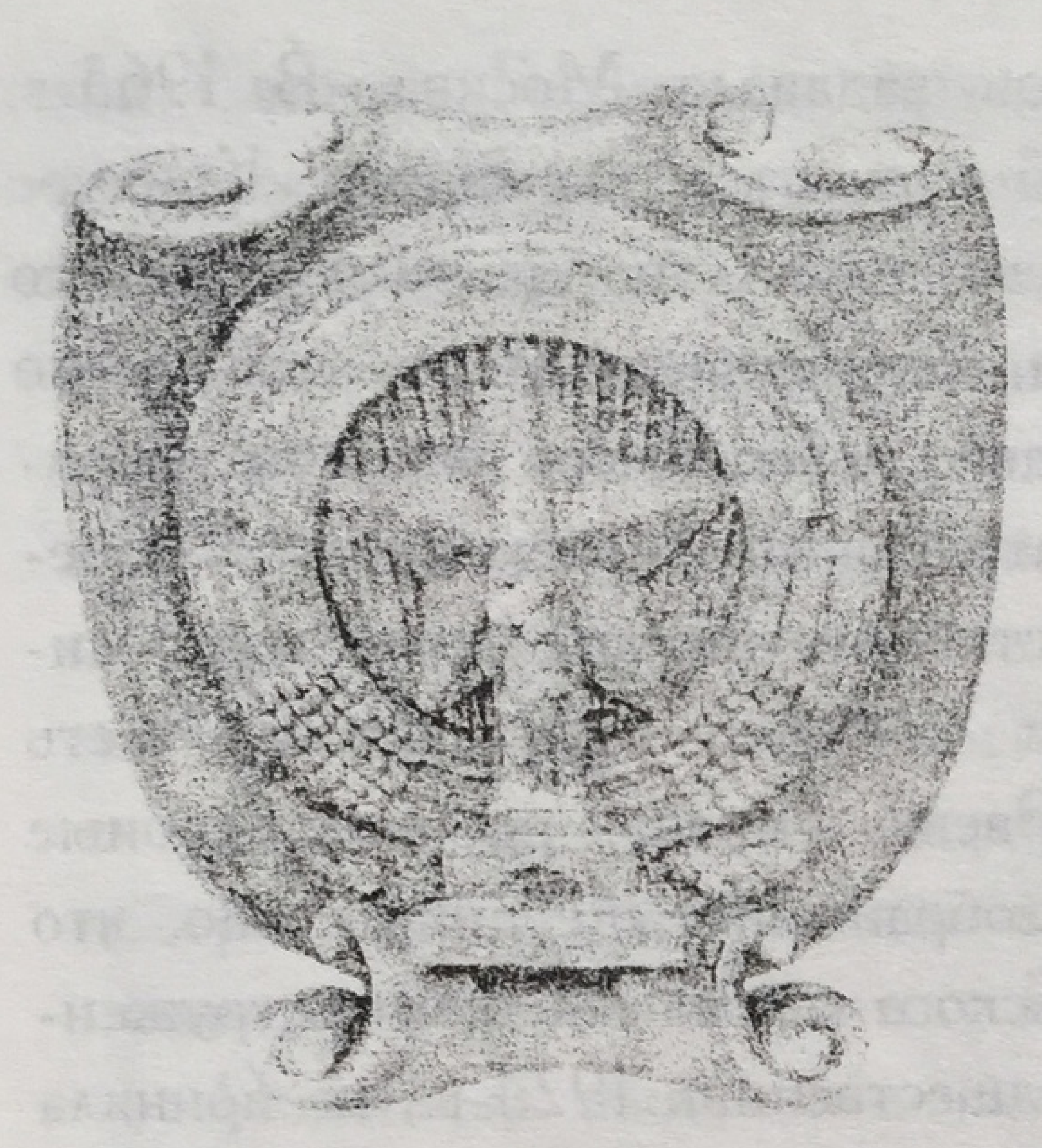
Великий московский князь Иван III доверил благоустроить известным на всю Европу итальянским зодчим святыню Москвы — Кремль, где ими возведены Успенский и Архангельский соборы, Спасская и Тайницкая башни, Грановитая палата. Так же он мог доверить итальянским медальерам, снискавшим в этот период известность в Европе, изготовление новой печати, символика которой соответствовала его властным устремлениям в период создания единого Русского государства.

Приглашенные Иваном III зодчие, как показали ученые, происходили из северной Италии, с которой московские князья установили контакты еще в середине XV в. Нет ничего удивительного, что и гравер печати мог приехать оттуда же. Во всяком случае, в изобразительном искусстве именно северной Италии Георгий Победоносец в это время широко распространен. На многих монетах и медалях Ломбардии и

соседних с ней областей запечатлен мужественный образ Святого Георгия-всадника.

Отсутствие канона в изображении Георгия Победоносца на печати Ивана III и печатях последующих русских государей, сделало его в представлении русских людей "человеком на коне" или царем (коронованного). Только в конце XVII — начале XVIII вв., когда пришли в Россию гербы — одно из западных новшеств, в светской эмблематике появились и святые под собственными именами — Георгий Победоносец, Святой Апостол Павел, Архангел Михаил... Шлемы с плюмажем украшают головы святых воинов. В подобном шлеме изображен Архангел с мечом и щитом, кружащий над поверженным дьяволом. Кстати, рисунок "говорящего" городского герба Архангельска создал царь Петр I. Шлемом украшена голова и Георгия Победоносца. Так было принято изображать его на груди двуглавого орла в XVIII в. Таким Георгий Победоносец вошел и в герб Москвы при первом официальном утверждении в 1781 г.

В советское время Москва, в отличие от других городов СССР, получила символический знак, составленный по законам революционной, или пролетарской, символики. 22 сентября 1924 г. Президиум Московского совета утвердил герб Москвы (и Московской области). Отличительный знак Красной столицы вобрал в себя множество эмблем. Он состоял из пятилучевой звезды, на фоне которой изображался памятник Свободы (поставлен в 1918 г. в честь Октябрьской революции на Советской площади), увенчанный перекрещенными серпом и молотом. По обе стороны звезды — пучки колосьев, внизу предметы труда (наковальня, ткацкий челнок, электромотор), перевитые лентой с надписью "Московский Совет Раб., Кр. и Кр. Деп." Над колосьями и звездой видна часть шестерни, на дугах которой помещены буквы "Р.С.Ф.С.Р." Описание герба и расшифровка эмблем, смысл которых был предельно ясен, нигде не приводились.

Множество эмблем, объединенных в сложную композицию, сделали герб "незапоминаемым". Герб "не привился", хотя его использовали, как и прежние городские гербы, в качестве архитектурного украшения при градостроительстве. Например, советский герб Москвы можно видеть в решетке, обрамляющей Большой Каменный мост.

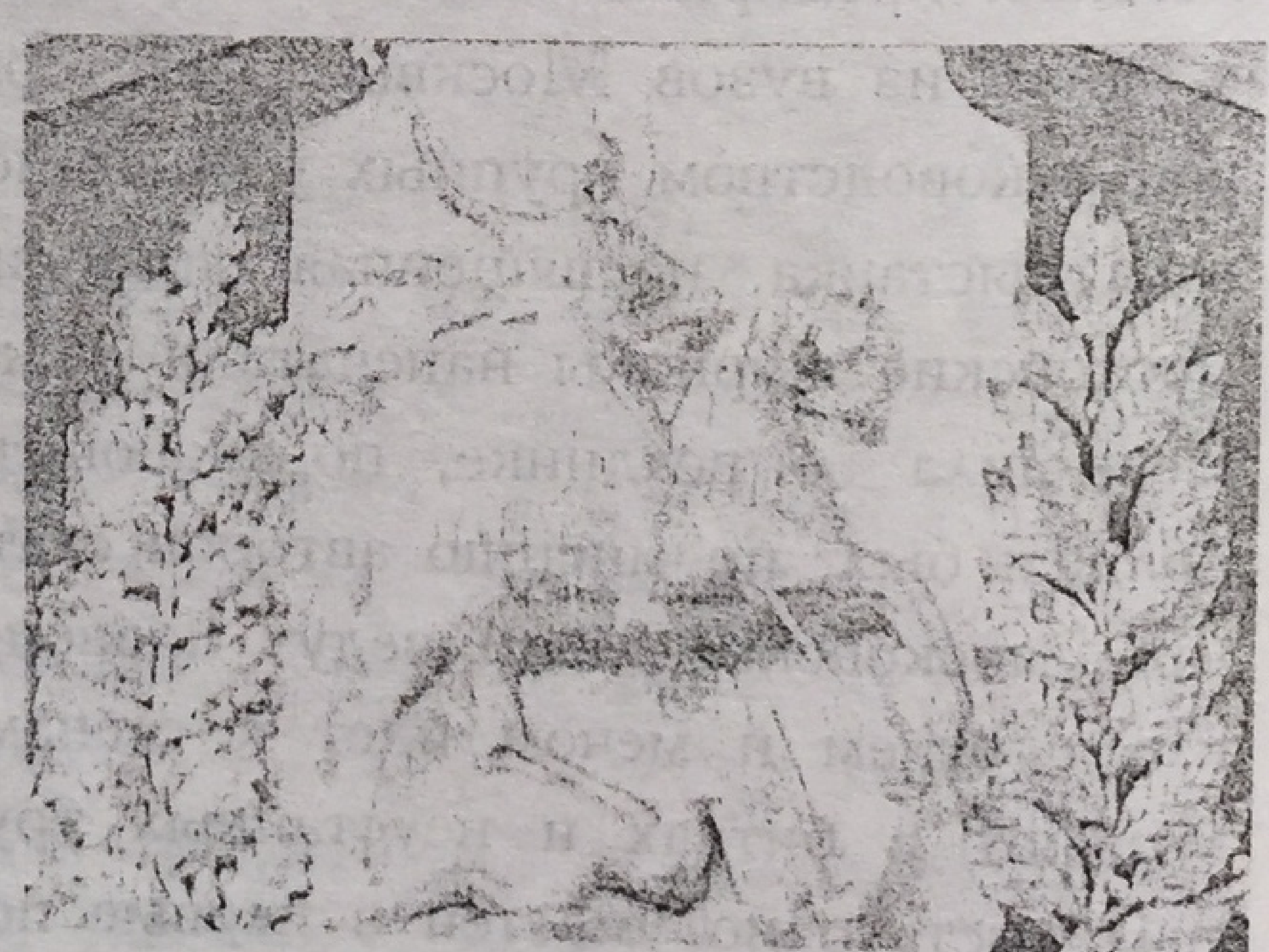
800-летняя Москва своего герба как бы не имела. Во всяком случае, жителям столицы в 1947 г. сведения об историческом символе города были мало известны. Правда, нельзя отрицать, что попытки возрождения городской символики Москвы предпринимались и полвека тому назад. Например, в одном из вузов Москвы, в Историко-архивном институте, под руководством крупных ученых-историков была организована выставка, посвященная символике столицы. Некоторые московские журналы напечатали даже статьи о гербе города. Речь шла "о всаднике, поражающем копьем дракона". Он должен был, по мнению авторов статей, символизировать то, что "московские люди ведут кровопролитные бои со всеми, кто с огнем и мечом идет к стенам великого города. Они мужают в битвах и неустанных трудах". Подобный пафос был достаточно уместен в первые послевоенные годы, когда героическое прошлое соотносилось с только что завоеванной великой Победой.

Однако герб столицы в те годы не использовался как официальный городской знак.

В середине 60-х гг. в нашей стране возник настоящий бум вокруг "визитной карточки города", как стали имено-

ваться городские гербы. Тон задавала Москва. В 1965 г. объявили конкурс на лучший вариант герба города. Конкурс продолжался год, но так и не выявил победителя. Судя по описаниям проектов в печати, можно представить, как нелепо большинство из них выглядело. Например, всадник, поражающий змея, "окружался атрибутами современности". Среди этих "атрибутов" присутствовали строительный кран, силуэт Кремлевского Дворца съездов, монумент в честь освоения космоса, Золотая Звезда Героя и прочие подобные отнюдь не геральдические изображения. Неудивительно, что ни один из вариантов московского герба, так же перегруженный фигурами, как и его предшественник 1924 г., не приняла общественность и московская власть.

Впервые всадник, поражающий дракона, — герб Москвы заявил о себе в один из Дней города, которые проводили московские власти в конце 1980-х гг. Всадника именовали Георгием Победоносцем. Графически он отличался от сегодняшнего герба.

Один из московских художников изобразил Святого Георгия в виде юного воина с кудрявыми волосами в военном доспехе и нимбом над головой. Всадник левой согнутой рукой держит поводья скачущего коня, а правой — копье, оканчивающееся крестом. Копье направлено в пасть извивающегося у ног коня крылатого змея. Конь скачет в правую от зрителя сторону. Рисунок воплощен в рельефе, которым украшен фронтон здания московской городской "ратуши" — мэрии на Тверской, 13. Этот художественный вариант московского герба напоминает

лик Святого Георгия на православных иконах, широко известных как Чудо Георгия о змие.

Одновременно в Москве появилось еще одно изображение Георгия Победоносца в виде западноевропейского всадника в шлеме с плюмажем, напоминающим конский хвост, и коротком военном доспехе. Обе его руки крепко держат копье, направляя оружие в пасть золотого с зелеными крыльями чудовища. Конь скачет влево от зрителя (в правую с точки зрения геральдики сторону). Такой, геральдический, поворот конной фигуры отличал ее от традиционного иконописного изображения Святого Георгия.

Подобный изобразительный разнобой главного символа российской столицы вызвал большое неудовольствие горожан. Московские власти обратились за консультацией к специалистам по геральдике. В результате появился московский всадник в том виде, который соответствует его сегодняшнему варианту в гербе города. Так выглядел и первый официально принятый в 1781 г. герб Москвы.

Несколько лет тому назад Московская городская Дума "в целях восстановления и сохранения исторических традиций" возродила официально принятый в конце XVIII в. герб города. По Закону города Москвы от 1 февраля 1995 г. ("О гербе и флаге города Москвы") герб вместе с флагом отныне становились основными символами города, государственности и власти. Утвердился рисунок герба: "Герб города Москвы представляет собой изображение на темно-красном геральдическом щите ... развернутого вправо от зрителя всадника — Святого Георгия Победоносца в серебряных доспехах и голубой мантии (плаще), на серебряном коне, поражающего золотым копьем черного Змия".

Герб города вошел в жизнь москвичей. Его можно видеть на зданиях Московской городской Думы, мэрии и Правительства Москвы, на официальных бланках и печатных изданиях Москвы, на должностном знаке мэра Москвы и

знаках почетных граждан столицы, на украшающих город красочных щитах и машинах городской милиции...

И вспоминается прекрасная древняя повесть, в которой Георгий Победоносец, "сияя великими чудесами", оказался в нужный час в нужном месте, чтобы "спасти нас и избавить город наш... от напасти".

При проведении исследования и создании иллюстративного ряда использованы следующие источники:

1. **Алпатов** М.В. Древнерусская иконопись. — М., 1978.
2. **Вилинбахов** Г.В., Вилинбахова Т.В. Святой Георгий Победоносец. — СПб., 1995.
3. **Выголов** В.П. Архитектура Московской Руси середины XV века. — М., 1988.
4. **Николаева** Т.В. Древнерусская пластика XI — XVI веков. — М., 1968.
5. **Постникова-Лосева** М.М. Русское ювелирное искусство. — М., 1974.
6. **Соболева** Н.А., Артамонов В.А. Символы России. — М., 1993.
7. **Соболева** Н.А. и др. Гербы городов России. — М., 1998.
8. **Сперансов** Н.Н. Земельные гербы России. — М., 1974.
9. Закон города Москвы «О гербе и флаге города Москвы» от 1 февраля 1995 г. N 4—12.
10. За предоставление неопубликованных и редких фотоматериалов автор благодарит научных сотрудников Государственного исторического музея Г.К. Мельник и Государственного музея-заповедника (Московский Кремль) А.В. Гращенковым, а также В.В. Хухаревым (Тверь).

Библиография вопроса:

Алпатов М.В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // Этюды по истории русского искусства. — М., 1967.

Вагнер Г.К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в Русском искусстве XIV — XV вв. — М., 1980.

Византийские легенды / Изд. подгот. С.В. Полякова. — Л., 1972.

Выголов В.П. Скульптура Георгия на балконе Московского Кремля // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Города, ансамбли, зодчие. — М., 1982.

Выголов В.П. Архитектура Московской Руси середины XV века. — М., 1988.

Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 1998.

Зеленцов С.М., Глазычев В.Л. Аристотель Фьораванти. — М., 1985.

Карамзин Н.М. История государства российского. — Т. VI. — М., любое изд. — Гл. 2, прим. 98.

Кирпичников А.И. Святой Георгий и Егорий Храбрый. — СПб., 1979.
Лазарев В.Н. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Русская средневековая живопись: Статьи и исследования. — М., 1970.
Лазарев В.Н. Искусство средневековой Руси и Запад (XI — XV вв.). — М., 1970.
Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. — М., 1983.
Лакиер А.Б. Русская геральдика. — СПб., 1855 (переиздание: М., 1990).
Лихачев Н.П. История образования российской государственной печати // Биржевые ведомости. — 1915. — 15 мая.
Любецкий С.М. Старина Москвы и русского народа. — М., 1872.
Малиновский А.Ф. Обозрение Москвы. — М., 1992.
Мельникова А.С. Московия и Италия (Русско-итальянские связи в эпоху средневековья по нумизматическим данным) // Деньги и кредит. — 1995. — N 4.
Николаев Р. Герб красной столицы // Наука и жизнь. — 1966. — N 8.
Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. — М., 1976.
Орешников А.В. Русские монеты до 1547 г. — М., 1896.
Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. — СПб., 1903.
Порфиридов Н.Г. Георгий в древнерусской мелкой каменной пластике // Сообщения государственного Русского музея. — VIII. — Л., 1964.
Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. — Л., 1982.
Потин В.М. Венгерский золотой Ивана III // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. — М., 1972.
Рыстенко А.В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах. — Одесса, 1909.
Сахаров И.П. Записки о русских гербах. — Часть I: Московский герб. — СПб., 1856.

Сидоренко Г.В. Деревянная скульптура «Святой Георгий на коне» в собрании Государственной Третьяковской галереи // Древнерусская скульптура: Проблемы и атрибуции. – М., 1991.

Смирнов Я.В. Устюжское изваяние святого Георгия московского большого Успенского собора. – М., 1915.

Снегирев И.М. Объяснение латинской надписи на древнем барельефе в московском Успенском соборе // Ученые записки Императорского Московского университета. – Часть 2. – М., 1833.

Снегирев И.М. Римский барельеф, известный под именем образа св. Георгия в московском Успенском соборе // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. II. – Отделение 2. – Одесса, 1850.

Снегирев И.М. О московском гербе // Ведомости московской городской полиции. – 1853. – N 152.

Снегирев И.М. Еще несколько слов о московском гербе // Московские ведомости. – 1853. – N 69.

Соболев Н.Н. Русский зодчий XV века Василий Дмитриевич Ермолин // Старая Москва. – Вып. 2. – М., 1914.

Соболева Н.А. Символы русской государственности // Вопросы истории. – 1979. – N 6.

Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII – XIX веков. – М., 1982.

Соболева Н.А. Русские печати. – М., 1992.

Соболева Н.А. Герб Москвы: К вопросу о происхождении // Отечественная история. – 1997. – N 3. – Библиография: 81 источник.

Соболева Н.А. Происхождение печати 1497 года: Новые подходы к исследованию // Отечественная история. – 2000. – N 4. – Библиография: 118 источников.

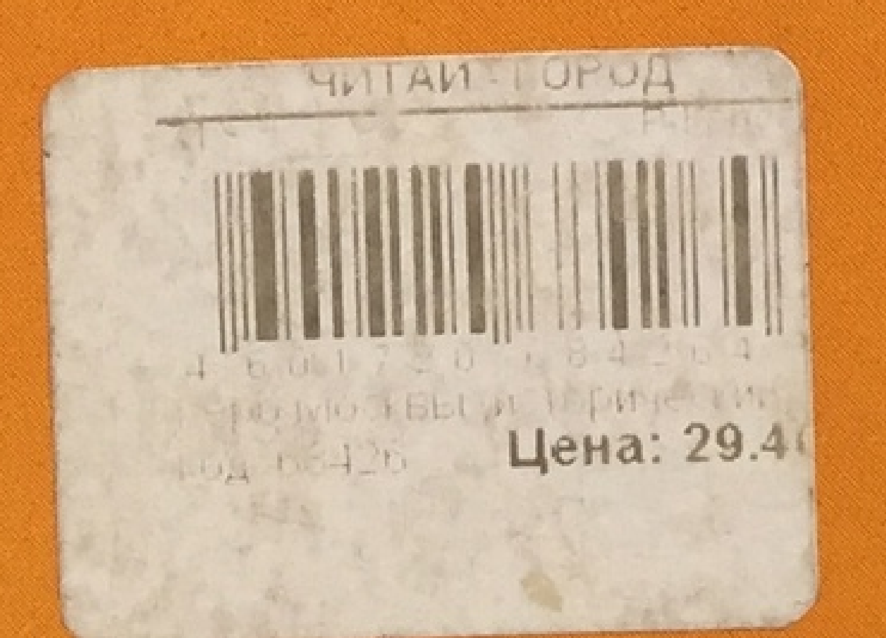
Спасский И.Г. Русская монетная система. – М., 1970.

Татищев В.Н. История российская. – Т. 1. – М.–Л., 1962.

Чудо Георгия о змие // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981.

Для заметок

ЧИТАЙ-ГОРОД
Цена: 29.4